

PERSPECTIVES: ДИСКУССИИ О БУДУЩЕМ ИНСТИТУТОВ РОССИИ

Есть некоторые области государственного устройства (и аппарата), в отношении которых не принято говорить в формате реформ, и, пожалуй, дипломатия и институты внешней политики России относятся именно к таким. Публикуемая стенограмма разговора Василия Гатова, научного советника проекта «Реформум», с Георгием Кунадзе и Вадимом Гришиным, ветеранами дипломатии, пытается обнаружить подходы к возможной перестройке внешней политики в будущей России.

- *Георгий Фридрихович Кунадзе – российский дипломат и учёный, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Республике Корея (1993–1997), заместитель министра иностранных дел РФ (1991–1993).*
- *Вадим Николаевич Гришин – российский дипломат и ученый, с начала 90-х до начала 2000-х работал в МИД РФ, затем в Бреттон-Вудских институтах (Всемирном Банке, МВФ и Международной Финансовой Корпорации). В настоящее время – профессор Университета Джорджа Вашингтона.*
- *Василий Гатов – российско-американский исследователь медиа, специалист в области коммуникаций, приглашенный научный сотрудник Университета Южной Калифорнии.*

ВГ: Первое, о чём я бы хотел поговорить с вами, это место дипломатии и дипломатических ведомств в структуре государства и общества. То, как это место изменилось со времен кодификации дипломатии и как вам представляется, как оно будет меняться? Применительно и к российской дипломатии тоже? Соответственно мой первый вопрос, о том, что дипломатия по сравнению с большинством других институтов общества, причем не только российского, выглядит очень антикварно, в сознании большинства она как бы замерла во временах секретных писем, переговоров, сложных интриг и так далее. Как вы думаете, зачем дипломатия вообще существует сегодня, если есть мгновенная зашифрованная видеосвязь, если главы государств могут сразу непосредственно все обсудить, если существуют гигантские доступные потоки данных, которые можно анализировать и для этого совершенно необязательно сидеть в столице другого государства... Вот, собственно, я бы с этого начал.

Кунадзе: Это, конечно, богатая идея – отказаться от дипломатии в ее нынешнем виде и доверить всё зашифрованной видеосвязи между главами государств. Но международные отношения – сложная система, в которой тесно взаимодействуют многонациональные и национальные акторы. Простых и, на первый взгляд, технологичных решений проблем, возникающих между ними проблем не существует. Смысл международных отношений в том, чтобы преобразовать неприемлемые для современной цивилизации импульсы любого рода в более или менее приемлемые действия. Без специально обученных людей, то есть дипломатов эту работу не выполнить. Многие, например, говорят, что ООН – слабая, неэффективная организация. Давайте отменим ООН? Но что будет дальше? Важно понимать, что, начав разрушать институты международных отношений, мы рано или поздно придем к тому, что все проблемы придется решать напрямую, в беседах глав государств, у которых и без того хватает забот. Это путь в никуда. Теперь о послах и

посольствах. Как бы закончился Карибский кризис, если бы не было в Вашингтоне советского посла Добрынина? Или, к примеру, как бы отреагировал СССР на новую американскую концепцию отношений с Китаем, с которой на авансцену мировой политики выступил Киссинджер? Не было бы того же посла Добрынина или вообще советского посольства в Вашингтоне, исход обоих кризисов мог бы оказаться совершенно другим. А нам всем пришлось бы по сей день разбирать руины международных отношений. Ведь очень многое в международных отношениях происходит по инерции, от простого непонимания как общей логики событий, так и мотивов, движущих оппонентами, или как говорит президент Путин, «партнерами». Именно поэтому трудно переоценить роль послов и посольств, которые находясь в столице другой страны, объективно лучше, чем их коллеги на родине, представляют себе, кто и что думает в политическом руководстве этой страны. Без сильного и ответственного посла, при необходимости готового сообщить в Центр, в том числе, и то, что не совпадает с мнением политического руководства его страны, как международные отношения в целом, так и внешняя политика каждой страны в отдельности обречены на хаос, подобный тому, что имеет место в России.

На мой взгляд, президент нашей страны не владеет в полной мере достоверной информацией о том, что происходит в мире. Он не пользуется компьютером, не читает газет, не следит за телевизионными новостями. Всю информацию он черпает из своих знаменитых папок. Где она, скорее всего, изложена в сильно «переработанном» и приятном ему виде. Это давняя советская традиция, не раз приводившая нашу страну к тяжелым ошибкам. С учетом такой специфики нашего механизма принятия решений, роль послов и посольств является абсолютно ключевой. Она в том, чтобы быть не простым «почтовым ящиком» передачи информации, а серьезным аналитическим центром, способным ее беспристрастно оценить и доложить в Центр, не опасаясь вызвать раздражение руководства. Помните, какую важную роль в формировании «советской» политики США некогда сыграла так называемая «Длинная телеграмма» Джорджа Кеннана.

ВГ: Да. Безусловно.

Кунадзе: Если бы автор этой телеграммы находился не в Москве, не в СССР, а у себя дома, боюсь, он бы никогда до тех выводов, которые сейчас кажутся очевидными, а тогда были провидческими, просто бы не додумался.

Вообще говоря, ключевым для системы международных отношений и для внешней политики каждой страны является вопрос профессиональных и человеческих качеств послов и дипломатов. В сегодняшней России этот вопрос стоит чрезвычайно остро. Называя вещи своими именами, качество человеческого материала, собранного сегодня в МИД России, резко и даже драматически снизилось.

ВГ: Мы поговорим еще об этом, у меня будет отдельный вопрос. Вадим?

Гришин: Спасибо вам за возможность участвовать в этом обсуждении вместе с вами. Оттолкнемся от базовых, тривиальных понятий: пока существуют государства, будет существовать и дипломатия. Более того, даже если будет усиливаться компонент многосторонней дипломатии, дипломатии международных организаций, дипломатические функции все равно необходимо будет осуществлять. Я согласен с Василием в том плане,

что часть этих функций модернизируется: передача информации, получение ее из разных источников. Появляются новые формы проведения переговоров, мы это видим особенно в пандемическое время. Но человеческий фактор, и в этом я абсолютно солидарен с Георгием Фридриховичем, незаменим. Одно из главных качеств дипломата, суть дипломатической работы – в умении выстраивать доверительные отношения. При том эти доверительные, глубокие отношения должны быть не только в стране пребывания, но и с руководством собственной страны. Почему Добрынин смог сыграть такую важную роль в период Кубинского кризиса? Потому что его воспринимали в обеих столицах, как серьезного – не просто посредника, «дипломатического почтальона» – но и как актора, участника процесса поиска развязок.

Кунадзе: Да.

Гришин: Понятно, что в современном мире на дипломатический процесс все в большей степени оказывает влияние ранее не присутствовавшие источники, факторы, среда. Но полное погружение и понимание того, что происходит в другой стране или международной организации, без личного присутствия практически невозможно. Более того, ГФ, может, подтвердит эту мысль, происходит своеобразная адаптация как высококвалифицированных специалистов, таких политических назначенцев, к той организации или стране, в которую они попадают. Этот процесс очень важен и имеет несколько стадий. Начальная стадия – когда все интересно, когда открываются новые пласты, горизонты; затем приходит стадия максимальной рабочей эффективности, когда дипломат может использовать свои наработки, контакты, знания. Однако впоследствии, во многих случаях происходит определенное притупление внимания, пропадает острота восприятия. Вот такая цикличность. Поэтому смена послов и всего дипперсонала, их ротация тоже имеет глубокий смысл. В ряде случаев, в том числе и в российской, и в советской дипломатии, доминировала узкая специализация, нередко обусловленная знанием того или иного иностранного языка. В результате дипломаты могли всю жизнь проработать только в одной стране. Были такие эпизоды. Это несло с собой и плюсы, и минусы... В принципе мне кажется, что дипломатия сейчас быстро модернизируется: мы видим, как функционально идет адаптация к современным формам сбора и подачи информации, ее анализа. Одновременно многие стороны дипломатической деятельности в значительной степени остаются кодифицированными – без этого было бы сложно выполнять дипломатические и консульские функции. Что касается Генри Киссинджера... Вы здесь упомянули интересный эпизод из 70-х годов прошлого века... который сейчас некоторые обозреватели, в условиях нарастающей конфронтационности между Западом и Китаем, ставят Киссинджеру в вину. Считается, что политическое сближение США и маоистского Китая полвека назад заложило основы того развития Поднебесной, которое привело к нынешнему результату. А результат, скажем так, противоречивый. Но мы еще поговорим об этом попозже.

Кунадзе: Хотел только сделать одну ремарку, к вопросу о роли посла. Я был знаком с Александром Николаевичем Яковлевым и очень его уважал. Вполне допускаю, что перестройка в СССР могла бы пойти по-другому, если бы Яковлева в свое время не сослали послом в Канаду. Он привез оттуда массу новых идей и смелых замыслов. В этом смысле роль Яковлева в перестройке, которую начал Горбачев, я переоценить не могу.

Что бы было, если бы вместо Яковлева, нашим послом в Канаде оказался бы кто-то другой? Менее талантливый, менее волевой и честный человек? Это к вопросу о роли послов и посольств.

Гришин: Небольшой штрих, я с Александром Николаевичем тоже общался, конечно, значительно меньше, чем Георгий Фридрихович, но тем не менее, я помню серьезную беседу с ним на предмет, каким образом ему удавалось поддерживать отношения с советским руководством, в частности с А.А.Громыко. Не секрет, что Яковлев имел доверительные отношения и мог напрямую общаться с ключевыми политическими фигурами Канады – канадский премьер Трюдо нередко по-дружески захаживал к послу Яковлеву на обед. Но с другой стороны, Александру Николаевичу удавалось сохранять рабочие и достаточно доверительные отношения с некоторыми членами Политбюро. Так вот он мне признался, что в значительной степени его длительное десятилетнее пребывание в Канаде было смягчено в плане контактов тем фактом, что Громыко, когда он летал на Генассамблеи ООН, останавливался в Канаде. Там надо было делать техническую посадку по пути в Нью-Йорк. Яковлев в ходе этих остановок имел всегда очень длительные, предметные, персональные, тет-а-тет разговоры с Громыко. Окружение Громыко, я знаю, мне тоже рассказывали об этом, очень ревниво относилось к этому – почему Яковлев ведет с Громыко какие-то индивидуальные, закрытые для других беседы? И Александр Николаевич мне сказал: «Большую часть времени мы посвящали обсуждению разных эпизодов российской истории, но по ходу, разумеется, затрагивали и текущие дела»

Кунадзе: Я знаю еще одного крупного деятеля современности, который только этим и занимается...

ВГ: У меня короткий вопрос. В пандан к тому, что было сказано выше, и Александр Николаевич Яковлев – один из редких примеров такого чисто политического назначенца–посла. Который из заведомо идеологии и пропаганды ЦК КПСС из-за интриг и прочего оказался на дипломатической службе. Не так много мы можем вспомнить, особенно в послевоенное время, политических послов России. Щербаков, который крайне отрицательную роль...

Кунадзе: Я бы не сказал «не так много», их как раз достаточно много, сейчас я расскажу об этом.

ВГ:... Тогда как в других странах, особенно в США, политические назначения, особенно на ключевые посты, являются нормальной практикой. И скажем так, администрация Байдена буквально первая, которая почти не воспользовалась политическими назначениями в области послов, предпочтя и в качестве госсекретаря профессионального дипломата, и в качестве ключевых послов тоже. Правильно ли присутствие политических назначенцев в дипломатии? За исключением таких уникальных случаев как Александр Николаевич Яковлев, дает ли оно какой-то плюс для развития стран, посылающих таких послов?

Кунадзе: Обобщение любого плана, и это в частности, вряд ли уместны. Есть назначенцы и назначенцы. Первый посол, под руководством которого я работал, приехал к нам в Японию из Венгрии, куда его сослали в свое время с должности первого секретаря Бауманского райкома партии. Владимир Яковлевич Павлов. Потом в Венгрии он не удержался, потому что в принципе поддерживал венгерские реформы. Это не встретило понимания в Москве и его перевели с понижением в капиталистическую Японию. Скажу честно, более мудрого, любознательного и открытого новым идеям дипломата-любителя я не встречал. Он с большим уважением относился к мнению профессиональных сотрудников посольства и умел отстаивать их рекомендации перед руководством в Москве. А потом на смену Павлову приехал другой политический назначенец из партработников – Петр Андреевич Абрахимов, бывший до Японии послом в ГДР. Более упертого, недалекого и жестокого человека я никогда не встречал. Вот вам два политических назначенца. Небо и земля. Так что разные бывают ситуации, но что касается Яковлева, я совершенно согласен с Вадимом Николаевичем, это был мудрый человек, заводной человек, который до последних своих дней сохранял ясность мысли и бодрость духа.

Гришин: И оптимизм, исторический оптимизм, что было непросто.

Кунадзе: Да. Вообще, я порой думаю, что политические назначенцы – это далеко не всегда плохо. Одна из любимых моих книг по истории дипломатии – «Дневник посла Додда». Он был послом США в нацистской Германии. Размышляя о нашей кондовой действительности, я эту книгу время от времени перечитываю, натываясь, порой, на крайне неприятные параллели. А ведь Додд тоже не был профессиональным дипломатом. Ну и для «баланса», давайте не вспомним, что Андрей Андреевич Громыко был высоким профессионалом в дипломатии и вырос в крупную политическую фигуру.

Гришин: В развитие этой темы я могу только добавить, что это зависит еще от традиции и от страны. Вот, например, американские послы в Москве, по крайней мере в период уже российской истории, преимущественно были профессионалами. И в Вашингтон российские послы тоже как правило назначались из карьерных дипломатов. Там, где требуется большой объем профессиональной работы, туда как правило направляют людей, так или иначе связанных с профессией. Но были и остаются столицы, куда в общем–то традиционно отправляют политических назначенцев. Одной из таких точек был в свое время Париж, сейчас это немножко изменилось. Можно назвать еще какие–то столицы, и традиция тут играет определенную роль. С другой стороны, мы должны различать классическую дипломатию, что называется, дипломатию «первого трека», и, дипломатию «полуторного» и «второго трека», которая часто используется в кризисных ситуациях. В этих случаях лидерство и функции политических назначенцев, политических фигур могут быть гораздо более значимыми и востребованными, чем их роль на классическом «первом треке» дипломатии.

ВГ: Это очень органично подводит нас ко второму вопросу: какое место должно занимать Министерство иностранных дел в структуре государства? То есть исходя из того, какое оно занимает сегодня, должно ли это измениться, модифицироваться, расширяться, или наоборот сократиться до исключительно до функций внешнего представительства? Какие

отношения должны быть у МИДа с высшим политическим руководством страны? Формальные? Или, наоборот, МИД – это его перчатки, в которых оно работает с внешним миром.

Кунадзе: Я бы сказал, что раз на раз не приходится, эту ситуацию нужно анализировать, как говорится *case by case*. Скажем, место Госдепартамента в системе исполнительной власти США, неизмеримо выше, чем Министерства иностранных дел в системе российской власти. Не знаю, правда, какой именно: в России ветви власти причудливо переплетены и все они ничто в сравнении с едва ли не самодержавной властью президента.

Госсекретарь США – третье лицо в исполнительной власти после президента и вице-президента. В России же место министра иностранных дел далеко не третье даже формально. Или взять сегодняшнюю Японию, в которой Министерство иностранных дел – один из ключевых органов исполнительной власти, фактически обладающий правом вето по всем вопросам своей компетенции. Однако до 1945 года место МИДа в структуре имперской власти Японии оставалось весьма незначительным и в этом смысле было сопоставимо с местом МИДа в сегодняшней России. Возвращаясь к России, замечу, что в причудливой системе ее власти МИД является ведомством, осуществляющим внешнюю политику, ничуть не больше, чем одиозная Мария Захарова его «официальным представителем». В конце концов, вечно собачиться с внешним миром и нести пропагандистскую пургу – это все-таки не функция дипломатов. Главное все же в том, что МИД России является не генератором внешнеполитических идей, а всего лишь слепым и безропотным исполнителем воли высшего политического руководства. В былые времена советскую внешнюю политику нередко называли «многоподъездной», имея в виду, что разные советские ведомства более-менее на равных отстаивали свой подход к внешней политике. Сейчас нет даже этого: на смену соперничеству ведомств «по горизонтали» пришло подчинение «по вертикали», поскольку политическое руководство страны открыто играет на стороне так называемых «силовиков» и сплотившихся вокруг них мракобесов. Именно по этой причине, МИД России, на мой взгляд, деградирует.

Лично на меня огромное впечатление произвела история, когда после прихода к власти президента Трампа в Госдепартаменте США неожиданно возник кадровый голод. Профессиональные дипломаты не желали работать под руководством президента, стиль «руководства» которого они не одобряли, а бредовые идеи не разделяли.

Что, однако, мы видим в России, где президент страны уже, как минимум, лет пятнадцать находится в плену у маниловской идеи «собирания» всех бывших советских земель? И ради осуществления этой идеи готов практически на все, не взирая на нормы международного права и морали?

Вот сейчас камнем преткновения для нас является проблема Украины, которой мы фактически отказываем в праве на собственную государственность и независимую политику. А до этого были и, по большому счету, остались типологически похожие проблемы Грузии, Молдовы и других постсоветских стран. Все эти проблемы, объективно загоняющие Россию в глухой тупик цивилизации, создали мы сами.

Профессиональные дипломаты просто по определению не могут не понимать пагубности такого курса нашей внешней политики: их ведь этому учили и учили, смею сказать, неплохо. Кому из них хватило мужества и принципиальности подать в отставку? Ответ – никому. По меркам советского прошлого, нынешние времена еще можно, назвать

относительно «вегетарианскими»: уволиться из МИДа может каждый, в тюрьму за это не посадят, в Сибирь не сошлют. Только вот найти после этого работу по специальности в России уже почти невозможно. Причина в том, что нынешний политический режим в России, который я бы осторожно назвал «переходным» на пути в наше прошлое, никому не прощает несогласия.

ВГ: В данном случае это скорее не несогласие, а нелояльность.

Кунадзе: Пусть будет так. Открытое несогласие – это то, что воспринимается режимом как нелояльность. В конце 1990-х годов, когда я вернулся из Сеула, министр иностранных дел Евгений Примаков, предложив мне должность посла по особым поручениям с зоной ответственности за страны СНГ, попросил изложить свое видение нашей политики. Что я и сделал, подчеркнув, что вижу главную задачу России в том, чтобы помочь странам СНГ построить нормальную демократию. (Россию тогда уже начали потихоньку подмораживать, но основы демократии еще казались незыблемыми.) Министр не принял мою концепцию. В результате я оказался на хорошей по тем меркам зарплате, в огромном кабинете, но без работы. Особых поручений не было и не особых тоже. Делать было нечего, и я взялся писать статью, называлась она, как сейчас помню, «Дискуссионные вопросы внешней политики России». Поначалу писалось нехотя, потом увлекся, а когда написал, понял, что опубликовать ее, не уволившись из МИДа, я не смогу. И я уволился. По нынешнем временам это было бы почти бунтом, а тогда на мне сказало мало. Сейчас такое уже совершенно невозможно, ибо «кто не с нами, тот против нас». К сожалению, наше настоящее с его нетерпимостью к инакомыслию и какой-то иррациональной жестокостью все больше напоминает конец сталинской эпохи, разумеется, в той мере, в которой я могу ее представить. И именно поэтому, когда речь зашла о «транзите» власти, я подумал, что отталкиваться нам придется от того положения, что существовало в СССР в начале 1953 года. Этого, по-моему, достаточно, чтобы понять, насколько трудным и непредсказуемым будет «транзит», если и когда Россия все-таки попытается в очередной раз переломить саму себя. Трудность здесь в том, что в отличие от периода конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда мы имели беспрецедентный кредит международного доверия и доброй воли, сейчас его нет и в помине. Тогда, если помните, демократический мир закрыл глаза и на кровавые разборки уходящего советского режима в Грузии, Азербайджане, Литве, Латвии, и на чеченскую авантюру уже российского режима. Сегодня, когда Россия полностью растранижила имевшийся у нее стартовый кредит доверия, нам будет неизмеримо сложнее. России не верят, возможно даже сильнее, чем не верили СССР. О ней, как сказал бы наш легендарный сатирик, сразу думают плохо вместо того, чтоб разобраться.

ВГ: Я на секунду с маленьким комментарием. Интересно, что вот буквально на этой неделе, в Foreign Affairs была статья одного из исследователей, который занимается как раз 90-ми годами, и он довольно документировано, не с потолка, сказал, что большая часть кредита доверия, которым пользовалась Россия в начале 90-х, была связана с тем, что они называют «программа Бейкера»: необходимость, гарантировать, что ядерное оружие будет сконцентрировано в России, и чтобы...

Кунадзе: Это само собой, конечно. Но я не думаю, что это было все-таки главным.

Гришин: Если немножко отмотать назад. Во-первых, в России происходит очевидная деинституционализация. Роль отдельных ведомств, в целом структур исполнительной власти очень сильно деформирована. Это касается и МИДа. В этих условиях роль министра, то место, которое он занимает в политической иерархии, становится особо значимым. С.В.Лавров, такой какой он есть, уже 17 лет у руля на Смоленской-Сенной, и под него, соответственно, подстраивается, подлаживается министерство. Во-вторых, все эти процессы ослабления МИД начались давно. Я согласен с ГФ, что, радикальность предстоящих потенциальных перемен может быть сопоставима с послесталинским периодом. Но опыт конца 80-х–начала 90-х тоже очень поучителен. Ведь когда в 1991 году в союзный МИД пришел А. Козырев и привел группу людей, готовых начать структурную перестройку министерствами, соответственно, внешней политики России – их было очень мало. Достаточно скоро многие из них были ограничены в своих полномочиях, а потом вытеснены. Это происходило по разным причинам. Приход Примакова затвердил этот консервативный тренд. Сопrotивление реформам в министерстве наблюдалось на протяжении всего горбачевско–ельцинского периода. Этаким имманентный внутренний консерватизм присутствовал в МИДе всегда, но особенно усилился, скажем так, с появлением путинской гвардии и по мере эволюции режима в сторону более жесткого авторитаризма. В период Лаврова руководящий состав министерства практически не менялся, роста внутри МИДа нет. Это породило феномен «горлышки бутылки» и привело к крайне негативным для российского дипломатического корпуса явлениям: возможности для самореализации, карьерного подъема крайне ограничены. И не только по политическим мотивам, но и в силу образовавшегося структурного профессионального тупика. Получается, что на российском дипломатическом ведомстве висят двойные или даже тройные гири. Годами не решаются, накапливаются острые проблемы не востребованности, отсутствия профессионального роста и параллельно идет процесс «адаптации» к меняющимся на ходу политическим установкам: скажем, от доброжелательно-нейтрального отношения к Европе к агрессивной, негативной, антиевропейской повестке... Такие метаморфозы крайне травматичны, в силу невозможности для многих профессионалов выйти из порочного круга ошибочной политики... Таким образом идет болезненный процесс загнивания. В перспективе, на одном из разворотов, это потребует основательной встряски, переформатирования всего ведомства.

Кунадзе: Я согласен. Я бы сказал, вот мы говорим о Лаврове, я его неплохо знаю. Я помню, каким он был, и в свою бытность заместителем Козырева, и когда работал в Нью-Йорке. Глядя на него сейчас, я считаю его, если угодно, трагической фигурой. Когда человек типа Патрушева начинает излагать какую-то бредятину, я понимаю, что для него это органично. Когда то же самое делает Лавров, мне кажется, что ему это в тягость. И вот вы говорите, что нет движения кадров, что нет перспектив у многих – это правильно. Думаю, однако, что тот же Лавров с радостью поменял свой нынешний пост на пост посла в какой-нибудь достойной стране. Но как в свое время мне сказал министр обороны Южной Кореи, «мы здесь как на подводной лодке, с нее деваться некуда». Я думаю, что и сам Лавров, и многие из тех, кто работает в МИДе, сейчас ощущают себя именно в подводной лодке: деваться им некуда. При этом, однако, отнюдь не все в руководстве МИДа транслируют бредовые идеи, которые составляют сейчас основу российской

внешней политики. Кто-то старается держаться в стороне. Этих людей, естественно, не повысят. Но они имеют шанс остаться в профессии, когда в нашей внутренней и внешней политике, произойдут революционные изменения. А в том, что такие изменения рано или поздно произойдут, я не сомневаюсь. Хотя, конечно, не знаю, доживем ли до них лично мы.

Гришин: Ну это, наверное, может стать темой нашей следующей дискуссии. Я бы хотел здесь сделать пару коротких комментариев по поводу Трампа и тех процессов, которые происходили при нем в Госдепартаменте США. Да, безусловно, несколько десятков дипломатов ушло, хлопнув дверью, притом некоторые с достаточно высоких позиций. Но в Америке есть традиция перехода с постов в исполнительной власти в бизнес или, скажем, на профессорские должности, а потом возвращения во власть. Это не является таким радикальным драматическим шагом, как в условиях, например, российской реальности. Следует учитывать также, что сам Трамп, и его окружение хотели ослабить Госдеп, видя в нем гнездо сторонников либеральной глобализации. В назначении Тиллерсона в качестве госсекретаря, безусловно был элемент политической игры. Рекс, которого я лично знаю, так и не смог заполнить образовавшиеся кадровые вакансии и даже финансово поддержать Госдеп на том уровне, на котором он был обеспечен до его назначения. В ходе не затихавшей жесткой политической схватки с демократами администрация Трампа взяла курс на деинституционализацию, но не успела много сделать на этом направлении за один президентский срок. Напротив, в России процесс деинституционализации принял очень глубокие, радикальные формы. И выстраивание институтов, в том числе новых институтов, работающих в сфере внешнеэкономических и внешнеполитических связей – это, естественно, одна из важнейших задач в повестке дня будущего. Это не вызывает никаких сомнений.

ВГ: На этом месте я как раз хочу с анализа перейти в сторону синтеза, попробовать предложить, какое место должен занимать институт внешней политики в России. Тут много сторон. Мы понимаем, что большая часть внешней политики, содержательной внешней политики вообще происходит в Кремле, между Ушаковым и Путиным. А еще хуже, если в Совете Безопасности – между Патрушевым и Бортниковым. Должны ли эти темные стороны дипломатии вернуться в МИД? Должен ли быть министр иностранных дел Прекрасной России Будущего близким соратником тех, кто возьмет на себя ответственность за будущее страны? Козырев не был никаким другом Ельцина, он в силу случайности оказался на этом месте, и продержался столько, сколько смог продержаться. Но и Примаков не был никаким другом Ельцина, вполне себе был самостоятельной фигурой, хитрый, со своими целями в жизни. Но все-таки это были люди, которые никак по большому счету не привязанные к «хозяину». Иванов у нас был после? Был таким обычным карьерным дипломатом, выдвинулся, достиг определенного уровня и оказался министром. А потом появляется Лавров, который с первых дней становится членом путинской команды, который встраивается в нее...

Кунадзе: А вы уверены, что он член путинской команды?

ВГ: Он может быть так себя считает, я не уверен, что Путин так считает. Это странный момент, это мое мнение к вопросу о дискуссии о Лаврове – он, может быть, хочет

встроиться в эту ситуацию, чем играть самостоятельную роль. Он достаточно умный человек, чтобы понимать, что любая самостоятельность может оказаться для него смертельной. «Смертельной» не в смысле жизни, а в смысле карьеры. Я согласен с вами, что это довольно трагическая фигура, потому что происходит и его собственная деградация и деградация института, которому он посвятил всю свою жизнь. Он работает, как в МГИМО пошел, так вот и на том месте. Но и конечно, я уверен, он не может не видеть деградации отношения к России. И поэтому иногда очень тяжело видеть, как весь этот груз на нем сказывается. Но это было мнение, которое не требует ответа, я вернусь к своему вопросу про то, как бы вы видели с высоты своего опыта и представлений о государстве, какое место должен занимать МИД в новой России?

Кунадзе: Это вопрос чрезвычайно сложный и запутанный. Я бы сказал, что Министерство иностранных дел должно стать главным органом, который не просто исполняет указания руководства, но еще и разрабатывает внешнюю политику, продвигает эту внешнюю политику, доказывает руководству, почему те или иные действия совершенно необходимы, а другие действия – совершенно неприемлемы. Этой привилегии Министерства иностранных дел лишено. Министерство иностранных дел и в Советском Союзе в общем – то не очень занималось генерировать каких-то глобальных идей, но тогда про нашу внешнюю политику говорили, что она «многоподъездная»...

ВГ: Третий подъезд и первый подъезд.

Кунадзе: Правильно. Все к ней привыкли и умели лавировать. Сейчас даже возвращение к модели «многоподъездной дипломатии» маловероятно: для этого необходимо осознанное политическое решение руководства страны, а оно играет на стороне одного из «подъездов». Вопрос, однако, не в том, чтобы МИД монополизировал выработку внешней политики, а скорее, в том, чтобы в сфере своей ответственности за ним оставалось последнее слово. Если хотя бы неформального права на последнее слово у МИДа нет, он не участвует в выработке внешней политики и обречен на выполнение любых указаний, которые получает. Является ли Лавров членом ближнего круга Путина, я не знаю. Не уверен, что Лавров может претендовать на то, чтобы быть на равных с бывшими коллегами господина Путина – с Патрушевым или Бортниковым. Лавров не питерец, не был членом кооператива «Озеро», и в этом смысле он для Путина человек несколько «со стороны». В большей степени я думаю, он скорее исполнитель державной воли, чем участник процедуры выработки этой самой воли.

Гришин: В развитие того, что сказал ГФ: мне кажется, мы наблюдаем парадоксальное явление в российской внешней политике – ее фрагментацию. Одна из причин этой фрагментации – как раз отсутствие консолидированного органа, ведомства, которое бы сводило и глубоко анализировало все шаги на международной арене. Для того, чтобы это делать, а тем более разрабатывать будущие внешнеполитические действия, нужно резко усилить аналитику. И здесь есть над чем работать, потому что аналитические возможности и способности нынешнего МИДа, довольно ограничены, в том числе по причинам самоцензурного и цензурного характера, и ряда других факторов. Фрагментация также связана с наличием конкурирующих групп интересов а российском истеблишменте. Мы видели неоднократно, к чему это приводит. Возьмём хотя бы один короткий, но

яркий эпизод разрыва отношений Москвы с ОПЕК в начале пандемии – феврале–марте 2020 года. Это был абсолютно неподходящий период – худшего времени для такого маневра наверное трудно себе представить. Тогда Сечин продавил через Путина решение не продлевать сделку ОПЕК+. Те, кто выступал за такое соглашение и за многосторонние компромиссы (в частности, Минэнерго), в тот момент по определенным причинам отступили (не будем вдаваться в подробности). Был очевидный провал, который стоил государству, бюджету России, несколько десятков миллиардов долларов. Кстати, экономический фактор (я не говорю в данном случае про санкции или контр-санкции) слабо присутствует при разработке и продвижении нынешней внешней политики. Он, как правило, очень ограничен и маргинален, что абсолютно недопустимо, особенно при наличии тех проблем, которые испытывает сейчас Россия. Это один момент. Второй момент: поскольку требуется институциональная перестройка многих структур и ведомств, то значение лидеров, людей, которые будут осуществлять эти изменения, резко возрастает. Роль персоналий, роль личностей в истории потенциальных изменений будет очень значительной. Насколько эти лидеры будут связаны с политическим руководством или новыми институтами – это вопрос открытый, поскольку сама конфигурация этих институтов не до конца понятна. Будет ли это парламентская республика или это будет продолжение президентского формата с изменяющимися функциями и полномочиями? Здесь много вопросов, но в этот период лидерская группа, наличие людей способных переосмыслить и разработать направления нового движения будет играть критическую роль.

ВГ: Маленький вопрос, в подложку. Существует официально поддерживаемый МИДом российский Совет по внешней оборонной политике и другие think-tanks прямо связанные с МИДом, та интеллектуальная работа, с вашей точки зрения, которая там ведется, а она безусловно там ведется, это нельзя отрицать – Валдайский клуб, СВОП, РСМД, – она достаточна для того, чтобы хотя бы концептуализировать хотя бы сегодняшнюю внешнюю политику, не говоря уж о том, чтоб пытаться прогнозировать будущее?

Кунадзе: Вот не знаю, честно говоря. Я в данном случае исхожу из того, что все эти организации, которые вы так щедро назвали think-tanks, они так или иначе возникли при активном участии или даже по инициативе ушедшего человека по фамилии Караганов. На мой взгляд, он заслужил, чтобы его считали одним из теневого идеологов сегодняшней внешней политики. Просто потому, что раньше других начал выступать с такими, я бы сказал, «концептуальными» статьями о повороте России на курс конфронтации с остальным миром, и проявлять при этом еще большую жесткость и агрессивность, чем пресловутые «силовики». Отчасти поэтому я не очень верю, что эти организации реально способны инициировать поворот к вменяемой внешней политике. Я бы скорее говорил об академических институтах. Я работал в трех из них и знаю, там были и есть носители новых передовых идей.

ВГ: Я так понимаю, вы имеете в виду и ИМЭМО и ИДВ?

Кунадзе: И ИМЭМО, и Институт США и Канады, и Институт Востоковедения. Что касается Института Дальнего Востока, он, на мой взгляд, очень проигрывает трем другим. В частности, потому что этот институт был всегда нацелен на апологетику текущей

политики: был горячим сторонником жесткой антикитайской линии в годы советско–китайской вражды, а сейчас столь же «убежденно» призывает к дружбе с Китаем, как к панацее от всех наших внешнеполитических напастей.

ВГ: О да, я хорошо это помню, я делал интервью с Капицей, где-то в начале 90-х, это было как окунуться в прошлое.

Кунадзе: Михаил Степанович знаменит тем, что он сначала очень любил, а потом очень не любил Китай. И еще больше, своей непреходящей любовью к Северной Корее.

ВГ: И водке.

Кунадзе: О его любви к нашему национальному напитку я мог бы кое-что вспомнить, но к теме нашей беседы это не относится.

ВГ: Я тогда быстро хочу пройти по второй группе вопросов. Может быть, я постараюсь ограничиться одним: насколько должно внешнеполитическое ведомство участвовать в выработке национальных интересов? Или в, грубо говоря, соотношении национальных интересов с внешней и внутренней политикой? Потому что зачастую внешнеполитические интересы имеют прямое отражение во внутренней политике. И насколько было бы полезно учитывать мнение дипломатов, страноведов, людей, отвечающих за отношения с международными организациями в формулировке этих вещей, которые носят доктринальный характер, особенно если мы предполагаем, что власть будет сменяема. Ты можешь любить или не любить Соединенные Штаты, но у тебя есть международные обязательства, которые нужно уважать. Вопрос заключается в том, какова должна быть роль внешнеполитического ведомства в выработке национальных интересов, в их защите и в их продвижении и так далее?

Кунадзе: По-моему, здесь двух мнений быть не может, эта роль совершенно очевидно должна быть одной из ключевых, если не главной. Но сейчас проблема уже не только в том, что нынешний МИД к такой роли не готов. Где-то я прочел хорошую фразу: «российский народ беззащитен перед российской пропагандой». Это серьезная проблема, которая оказывает влияние и на перспективы МИДа, и на внешнюю политику в целом. Всем понятно, что по доброй воле нынешний президент в отставку так или иначе не уйдет, в силу чего я как-то не верю, что он когда-нибудь передаст своему преемнику. Под несменяемость власти нынешнего президента выстроена вся пропагандистская линия и целенаправленно создается общественное мнение. В связи с этим, я совсем не уверен, что переход власти от нынешнего президента к следующему будет гладким и цивилизованным. Скорее всего, нам предстоит пройти через какой-то серьезный катаклизм. В любом случае начинать гипотетическую новую политику придется с полного прекращения джингоистской пропаганды, калечащей массовое сознание даже сильнее, чем полицейские репрессии.

ВГ: Ну да, в первую очередь исключить язык ненависти, а потом заниматься всем остальным.

Кунадзе: Совершенно верно. При этом я даже не говорю про уже упоминавшуюся Марию Захарову. Она человек странный, вполне одиозный и бесконечно далекий от дипломатии. Я имею в виду ту пропаганду, которая ежедневно заполняет все центральные каналы российского телевидения. Газеты в России читают мало, ищут информацию в интернете тоже, а телевизор смотрят все. И телевизор работает всюду, по всей стране. До тех пор, пока эта пропаганда щедро финансируется и всемерно поощряется государством, не думаю, что какой-то новый руководитель сможет запросто преодолеть инерцию массового сознания. Волевым решением можно объявить люстрацию. А вот заставить людей думать по-другому – не знаю. То ли Ходорковский, то ли кто-то другой из видных оппозиционеров, говорил «дайте мне один канал, и я моментально переверну все...»

ВГ: Гарри Каспаров, это был Гарри Каспаров. Это его любимая тема.

Кунадзе: Да, конечно. Но так не получится. Это совершенно точно. Достаточно вспомнить, как разворачивалась вся эта бодяга, как набирала обороты пропаганда ненависти. Это случилось небыстро. Так что и путь назад, в забытую вменяемость будет долог. Когда и как он закончится, я не знаю: то, что сделано за два последних десятилетия в области внешней политике, легкому демонтажу не поддается. Ну допустим, в глубине души все понимают, что из Донбасса рано или поздно придется уходить. Но что делать с Крымом, присоединенном к России в нарушение всех мыслимых норм права и морали, никто или почти никто толком не представляет.

ВГ: Ну это даже запрещено обсуждать в России.

Кунадзе: Мы это и сейчас не обсуждаем. В свое время я положил много времени и сил на урегулирование проблемы Южных Курил с Японией. Я заслужил осуждение «квасных патриотов» и кое-чем в жизни пожертвовал, но ничего не получилось. Сегодня я думаю, что решить проблему Южных Курил было бы в десятки раз проще, чем проблему Крыма. И те советы и рекомендации, которые дают иные наши оппозиционеры, например, тот же Явлинский, свидетельствуют о том, что даже они толком не понимают ту глубину ямы, в которой мы все оказались, эту проблему создав.

Гришин: Очевидно, что вся эта разнузданная пропагандистская кампания свидетельствует о комплексе неполноценности, который присутствует во всем этом шабаше, и увеличивает дефицит реализма, потому что в конечном счете этот пропагандистский натиск сильно влияет на процесс принятия решений. Конечно, дипломатия, внешнеполитическая аналитика должна присутствовать и принимать активное участие в формировании и определении обновленных национальных интересов, когда масштаб разных компонентов должен резко поменяться. Условно говоря, доля силовой и дипломатической, политической составляющей как во внутренней, так и во внешней активности государства должна быть радикально пересмотрена. Ясно, что людей, которые готовы к этому, и способны это сделать на основе профессионального и политического опыта и глубокой аналитики – мало. И готовых академических институтов и/или think-thanks тоже нет. Значит, это может выстраиваться только точно, на индивидуальной основе. Еще один момент. Ясно, что внешняя политика на каких-то определенных направлениях является фактором легитимации режима. Постоянно делаются попытки залатать внутренние

провалы за счет каких-то внешних действий, подправленных пропагандистскими потугами – все это уйдет. На этом невозможно дальше паразитировать. А вот что останется – это достаточно суровая реальность, к обсуждению которой мы еще только подходим. Дело в том, что идет процесс глубокой трансформации международных структур, и, скажем так, силовых линий влияния, где Россия не всегда может быть активным участником. Некоторые вещи будут происходить независимо от России, особенно с учетом ее нынешней политики. Это достаточно жесткая реальность.

ВГ: Я собственно на этом перехожу к последней группе вопросов, которые связаны именно с этими новыми реалиями, теми проблемами, с которыми Россия уже сейчас сталкивается и будет сталкиваться по мере как развивается международное положение. Прежде всего очень важно в качестве исходной точки, с одной стороны, согласиться, а с другой стороны – поспорить с теми людьми, которые говорят, что мир становится многополярным. Да, действительно сразу после Холодной войны казалось, что мир будет устроен по-другому, или по крайней мере казалось, что до того состояния, в котором мы оказались сегодня еще десятилетия и десятилетия. Но вот эти десятилетия прошли, и мы безусловно видим формирование двух важных экономически потентных полюсов, которые пытаются разделить между собой мир, причем не по географическому признаку Запад/Восток и так далее, а по принципу привязанности к их экосистемам. То есть Китай все больший упор делает на самые новые технологии, то есть на искусственный интеллект и контроль за поведением. США опираются на менее новые явления – операционные системы, базовая компьютерная инфраструктура, скорость передачи данных, космос. То есть вещи, которые позволили Америке выйти в технологические лидеры мира. Россия оказывается в этом новом почти биполярном мире в не до конца пристроенном состоянии: она практически поссорилась с Америкой и ее союзниками на Западе, но и с Китаем на самом деле никакой глубины отношений нет. Есть попытка следовать в фарватере Китая, но у России слишком много опасений по отношению к Китаю. Причем опасений не только серьезных политических, но и опасений чисто бытовых: то есть люди недолюбливают Китай, боятся Китая, оправданно видят в Китае экспансиониста. В общем национальный наш психоз... Как вы думаете, во-первых, что в этой ситуации делать? Если мы отвлекусь от того, что нынешнее руководство и нынешнее внешнеполитическое ведомство плывут в фарватере Китая. А как вообще нужно было бы к этой проблеме относиться, а самое главное – что делать дальше?

Кунадзе: Продолжавшаяся два десятилетия советско-китайская конфронтация оставила очень тяжелый отпечаток на наших сегодняшних размышлениях о Китае. Bottomline во всей этой конструкции российского отношения к Китаю состоит в том, что, имея шесть тысяч километров общей границы с Китаем, на российской стороне которой живут считанные миллионы, а на китайской – сотни миллионов людей, мы просто физически не можем позволить себе роскоши конфронтации с таким соседом. И должны жить с ним в мире и согласии. Конфронтация с Китаем для нас неприемлема. Но вопрос о том, следует ли Россия целиком переориентироваться на Китай, восприняв его как союзника, не столь однозначен. Советско-американская конфронтация и уже назревающая китайско-американская – не столь одинаковы по своему содержанию и внутреннему наполнению. В конечном счете экономическое преуспевание Китая во многом зависит от технологий, которые, по большей части, американские. В силу этого, для Китая вопрос о

конфронтации с США и коллективным Западом стоит не так, как он стоял для СССР и сегодня для России. Китайцы, на мой взгляд – самые искусные и гибкие дипломаты в современном мире. Они очень тонко чувствуют, где можно надавить, а где надо отпустить, и никогда не будут ломиться в те двери, которые трудно открыть. Положение России куда более деликатно: она, по–моему, толком не знает, что предпримет Китай в какой-то конфликтной ситуации, и потому лишена тактической инициативы. Сегодня Россия имеет хорошие отношения с Китаем, но не должна забывать о том, что китайская внешнеполитическая доктрина в принципе не предполагает установления союзных отношений ни с кем. В том числе, естественно, и с Россией, на обременительный союз с которой Китай, уверен, не пойдет. И, наконец, последнее. Нынешняя внешняя политика России является производной одновременно от мании величия и комплекса неполноценности. Поэтому я не уверен, что Россия была бы готова стать сырьевым придатком или младшим партнером Китая. Тем самым в мире намечается перспектива гораздо более сложной конфигурации сил основных мировых акторов. В таких обстоятельствах США, России и Китаю будет очень не хватать такого циничного и, как я понимаю, не очень популярного в США человека как Киссинджер. Здесь, ведь, могут потребоваться какие-то новые, доселе невиданные комбинации.

ВГ: Есть такое дело. Это правда.

Гришин: Я согласен с тем, что сейчас развитие, технологическое в том числе, зашло уже так далеко, что легко представить себе дальнейшее расхождение двух основных платформ – китайской и западной. Сложнее представить, что Россия сможет в будущем использовать какие-то универсальные «переходники», наподобие тех, которыми сейчас пользуются для разных электрических розеток и под разное напряжение в США, в континентальной Европе, в России и в Китае. Поставил такой переходник и подключился к другой системе – вот это невозможно уже будет в будущем сделать, даже если кто-то очень на это рассчитывает и хотел бы это видеть. У меня такое впечатление, что люди группирующиеся вокруг упомянутого уже Караганова, судя по некоторым публикациям, имеют такое упрощённое представление о многополярности: поменял одну вилку на другую и подключился к альтернативной системе. Увы, это самообман. У России не будет такой перспективы. Что в нынешних условиях было бы желательно немедленно сделать (среди многих прочих авральных дел) – перестать «мочить», используя известную терминологию, Европу. Потому что Европа может сыграть ключевую, в том числе и для России, роль в той позиции, которую страна займет через какое–то время в этом мире, где происходят очень сильные процессы поляризации. Европа может оказаться таким спасательным кругом, своеобразной точкой опоры, которая может быть, позволит России будущего иметь больше гибкости и возможностей для взаимодействия с этими двумя платформами и полюсами. О чем идет речь? Если ты вошел в систему 5G, используя китайские технологии и завязан на китайских техногигантах, если ты выстроил e–трейд и многие другие логистические вещи на китайских разработках и с участием китайских компаний, то затем соскочить, стать одновременно частью альтернативного, западного технологического мира – будет крайне сложно. Россия будущего оказывается зажата между двумя плитами, ее узкая колея будет уже во многом предопределена. И выйти из нее, попытаться развернуться и получить большую гибкость вряд ли будет возможно. Это одно обстоятельство. Второе – мы видим, как быстро меняется сейчас Китай. Не только

эволюционирует Запад, где в политике, как результат глобального финансового кризиса 2008 года и COVID-19, продолжаются процессы, которые иногда называют «кризисом западного либерализма». Очень большие изменения происходят в самом Китае. Политика, которую проводит товарищ Си, практически перелопачивает, пересматривает многие вещи, являвшимися источником роста и благополучия страны за последние 30 лет. Посмотрите, что происходит во внутренней политике: вновь усиливается роль КПК, влияние партийной верхушки на бизнес, рыночные и социальные процессы, в том числе вернулись архаические компоненты пропаганды. Переоцениваются взаимоотношения между частным и государственным секторами в пользу последнего. Мы являемся свидетелями атак КПК на китайских же техно-гигантов, связанных с западными рынками. В происходящем перераспределении экономических ресурсов и изменении направления развития явно просматривается внутривластьская подоплека. Кроме того, этот маневр, который иногда обозначают как попытку уйти от экспортно-ориентированной экономики к экономике внутреннего потребления, еще далек от завершения. Поэтому для части китайского общества и элит образуется такая не очень комфортная пауза (которая может стать ловушкой среднего уровня развития), когда одни источники уже не генерируют рост, а новые источники еще не заработали. В результате возникают такие ситуации как нынешний энергетический кризис, который зародился в общем-то в Китае и связан как с экономикой энергоперехода, так и с новой внешней политикой Пекина, которую нередко называют политикой воина-волка (WolfWarrior). Один из импульсов к нехватке газа и энергогенерации в Европе пришел из Китая, где стали агрессивно сворачивать производство угля и одновременно ограничили поставки энергоносителей из Австралии по политическим мотивам. В итоге пошли веерные отключения электроэнергии в самом Китае, а цены на газ в Азии резко выросли. Так нелинейное развитие событий привело почти к глобальному энергетическому кризису, пока мини-кризису, потому что он еще на начальной стадии и есть надежда, что он будет разрешен оперативно в Европе и не затронет США.

ВГ: Гаврила Принцип в современном мире называется «пропан».

Гришин: Ну да. При этом новая внешняя политика Си – это также отказ от тех установок, которые в своё время закладывал Дэн Сяопин, что, условно говоря, для реинтеграции Гонконга КНР понадобится 50 лет, а для реинтеграции Тайваня – 100 лет. Все эти временные параметры сейчас смешались и по сути убраны. Такое ощущение, что нынешнее руководство Китая торопится, расклад сил сложный, предугадать решения съезда КПК, который будет в следующем году, практически невозможно. Это все порождает очень сильные волны, которые конечно будут бить по России. И это, разумеется, связано не только с политикой Китая, но и с политикой Запада, с санкциями, с контр-санкциями и еще многими другими факторами, которые, кстати, тоже одномоментно не уберешь, они институализированы, они законодательно закреплены, в частности здесь, в Америке. Поэтому рассчитывать, что в будущем мы очень быстро это все сможем свернуть — это наивные, абсолютно необоснованные надежды. Я согласен с ГФ, что это сложный процесс, но мы должны будем вступить на эту дорогу, на этот непростой путь, и он потребует времени и очень больших усилий. К этому еще добавим потерю квалификации, потерю того, что называется «выстраивание дипломатии доверия», потому что многое из того, что сейчас Россия делает в международной сфере – разрушает

доверие, усиливает негативные компоненты дипломатии. А тут нужны совершенно другие качества. Знаю, о чем мы говорим не понаслышке, потому что был вовлечен в процесс, например, устранения поправки Джексона-Веника. Как это было болезненно, как это было мучительно. Но по сравнению с тем, что мы сейчас имеем — это крошечный элемент. А мы должны будем трансформировать всю эту махину негативных вещей, которые уже присутствуют и еще будут добавлены, в этом никаких сомнений нет.

Кунадзе: Совершенно согласен. Хочу вернуться к тезису о том, что России нужно уделять больше внимания Европе. Теоретически так оно и есть. Но с практической точки зрения нужно понимать, что для господина Путина, человека с устоявшимися взглядами и предпочтениями, Европа представляет интерес только в двух ипостасях. Как покупатель российских газа и нефти. И как геополитическое пространство, которое в перспективе хотелось бы оторвать от США. Сама по себе Европа, по-моему, ни Путина, ни его окружение особо не интересует. Большое курортное место, где можно прикупить недвижимость и куда можно отправиться учиться детей. Что же касается Китая, согласен с вами Вадим Николаевич, когда вы говорите о том, что он находится на перепутье. И я боюсь, что мы в силу своей некитайской «толстокожести» и неполного понимания китайских дел вряд ли сможем предугадать, когда изменения, которые назревают и в китайской политике, и в китайской экономике, наконец материализуются в какую-то новую реальность.

Гришин: По поводу Европы и Китая хочу сделать пару небольших ремарок. Посмотрите, что происходит. Явно прослеживается анти-европейская заострѐнность многих действий Москвы, прежде всего направленных против ЕС. Да, есть работа с отдельными европейскими странами, но в принципе в качестве такого монстра, сопоставимого с НАТО, теперь рисуется Евросоюз. Это абсолютно ошибочно и контрпродуктивно, потому что, если представить себе дальнейшее ослабление ЕС после Брекзита, то можно себе представить и пропорциональное, симметричное геополитическое усиление НАТО. Потому что если ты ослабляешь ЕС, а такие усилия делаются (очевидно, что отношения Москвы с Брюсселем в последние годы не развиваются, стагнируют, становятся все более политически острыми), то ты, грубо говоря, тем самым работаешь на усиление геополитического компонента, на усиление европейско-атлантической связки. Это один момент. Второй момент касается Китая. Климатический фактор, с моей точки зрения, не играет здесь такой существенной роли, потому что те китайцы, которые живут по одну сторону Амура, находятся практически в тех же климатических условиях, как и те россияне, которые живут по другую сторону Амура. Я был несколько раз в Благовещенске и видел эволюцию этого региона на глазах происходящую: когда-то Благовещенск был таким типичным советским авангардом, своеобразной витриной, где можно было видеть добротные постройки хрущевского и брежневского периода, а на другой стороне Амура коптящие трубы небольшой китайской деревеньки. Что сейчас мы видим? Абсолютно современный многоэтажный город с китайской стороны и все тот же, обветшалый уже, постсоветский Благовещенск на российской стороне Амура. Когда летишь из Москвы на Дальний Восток вдоль Амура, то справа видишь развитую китайцами инфраструктуру, дороги, города, а слева, в России — уходящие в бесконечность сопки и леса. И если применить любимую некоторыми гумилевскую теорию и использовать те цифры, которые мы уже обозначили, 250 миллионов с китайской стороны границы, и где-то, ну пусть 15

миллионов – с российской стороны, то неизбежная конверсия, конвергенция в той или иной форме, под давлением ли слабого развития глубинного Китая или по каким-то другим причинам, более равномерное распределение населения по всей этой территории в пользу Китая, рано или поздно, под тем или иным соусом, но это может произойти.

Поэтому именно эти процессы, которые сложно контролировать и сложно анализировать, должны составлять основу разработки концепции внешней политики и дипломатии России будущего. Эта концепция по определению должна вбирать в себя обновленные цели национального развития, исходить из насыщенных новой конкретикой национальных интересов и четкого понимания места и роли России в современном мире. Упоение мнимой «эффективностью» иллиберальных моделей правления, очевидная ставка на государственно-силовой компонент в ущерб общественным отношениям, и индивидуальным свободам, отказ от принципов федерализма и разделения властей в угоду пресловутой вертикали власти, ржа имперского синдрома – все это загоняет внешнюю политику России в лабиринт *realpolitik*, когда декларируемые «национальные цели» оказываются оторванными от национальных интересов. Так называемые «реалисты» полагают, что они интуитивно знают в чем заключаются национальные интересы страны, хотя, по сути, сводят все к удовлетворению прихотей и фантазий правящей олигархической верхушки. И еще одно обстоятельство – парадоксальным образом, несмотря на обильное морализаторство и резонерство, произошло практически полное вымывание моральных принципов из сферы национальных интересов и, соответственно, их усыхание в российской внешней политике. В этой связи вспоминается любопытный пассаж в воспоминаниях посла Добрынина, когда он пишет, что Громыко был верным учеником Сталина и не придавал особого значения моральным аспектам внешней политики. Так вот складывается впечатление, что количество таких учеников в российском МИДе вдруг неожиданно выросло. Иными словами, возвращение морального измерения в российскую внешнеполитическую деятельности является, скажем так, категорическим императивом.

ВГ: Спасибо вам большое.